

Таким образом, представляются неубедительными, на наш взгляд, доводы И. Л. Петрухина, М. С. Строговича и других ученых в пользу распространения действия правил о недопустимости «поворота к худшему» на гражданский иск по уголовному делу, а высказанные ими аргументы противоречат практике Верховного Суда СССР, согласно которой эти правила при рассмотрении дела судом первой инстанции, а также при пересмотре приговора в кассационном или надзорном порядке не относятся к вопросу увеличения суммы гражданского иска, подлежащей взысканию в возмещение ущерба по уголовному делу.

Таким образом, нельзя исключить возможность применения гражданского процессуального законодательства в уголовном процессе в данном случае, поскольку иное уголовным процессуальным законодательством не установлено. Поэтому целесообразно дополнить УПК нормой, которая бы устанавливала, что гражданское процессуальное законодательство распространяется на отношения, возникающие в связи с заявлением гражданского иска по уголовному делу и не урегулированные уголовным процессуальным законодательством. Подобное указание содержится в ст. 64 УПК Болгарии: «Гражданский иск в уголовном производстве рассматривается по правилам этого кодекса, а если в нем нет соответствующих правил, то применяются законы гражданского процесса».

Список литературы: 1. *Материалы XXVII съезда КПСС*. М., 1986. 2. *Альперт С. А.* Защита в советском уголовном процессе прав и законных интересов лиц, понесших имущественный ущерб от преступления. 1984; *Гурьев П. П.* Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1961. 3. *Мазалов А. В.* Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1977; *Даев В. Г.* Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе. Л., 1972. 4. *Петрухин И. Л.* Вправе ли кассационная инстанция увеличить сумму гражданского иска по уголовному делу? // Сов. гос-во и право. 1966. № 10; *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. В 2-х т. М., 1970. Т. 2. 5. *Бюл. Верховн. Суда СССР*.

Поступила в редколлегию 17.03.86.

Ю. В. БАУЛИН, канд. юрид. наук

Харьков

ПОНЯТИЕ ОСНОВАНИЙ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ОБЩЕСТВЕННУЮ ОПАСНОСТЬ И ПРОТИВОПРАВНОСТЬ ДЕЯНИЯ

XXVII съезд КПСС поставил задачу использовать в борьбе с преступностью и другими правонарушениями всю силу советских законов, обеспечить строжайшее соблюдение демократических принципов правосудия, равенства граждан перед законом, других гарантий, направленных на защиту интересов государства и каждого гражданина [1, с. 61]. Решение этих задач требует дальнейшего

совершенствования деятельности правоохранительных органов по расследованию и рассмотрению уголовных дел, особенно при квалификации преступлений. Решение уполномоченного государственного органа о соответствии содеянного признакам определенного состава преступления предполагает обязательное исключение того, что совершенное лицом не относится к числу оснований (именуемых в литературе «обстоятельствами»), исключающих общественную опасность и противоправность деяния. Отдельные из них (необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника, согласие потерпевшего, производственный риск) разработаны более или менее обстоятельно, другие же (выполнение профессиональных функций, исполнение закона, осуществление права) еще ждут своего детального исследования. Выяснение общих (родовых) признаков рассматриваемых оснований имеет значение для определения их социально-юридической природы, характера их системы, соотношения друг с другом, выяснения условий правомерности причинения вреда при наличии таких оснований, а также для определения уголовно-правовых последствий несоблюдения этих условий.

Определяющий признак рассматриваемых оснований заключается в том, что они представляют собой сознательные и волевые поступки, характеризующиеся по своему социально-политическому содержанию, как правило, общественной полезностью. Такая полезность имеет место там, где совершенные при данных основаниях действия (например, необходимая оборона или выполнение профессиональных функций) соответствуют целям и задачам выработанной КПСС и Советским государством стратегии социально-экономического ускорения в политической, экономической, социальной и духовной областях жизни советского общества.

Второй признак относится к юридической форме данных оснований, которая адекватно отражает их положительное социально-политическое содержание. Юридической формой общественно полезных поступков, исключающих преступность деяния, является их правомерность, т. е. обоснованность их субъективным правом или юридической обязанностью. Этот признак нашел свое прямое отражение в законе применительно к отдельным основаниям. Так, в ст. 15 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» сказано, что действия граждан, направленные на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, признаются правомерными [2, 1981, № 23, ст. 782]. Подобным же образом обрисованы общественно полезные действия по задержанию преступника в ч. 3 ст. 15 УК УССР и ч. 3 ст. 13 УК УзССР.

Следовательно, основания, исключающие преступность деяния, характеризуются единством положительного социально-политического содержания (общественная полезность) и юридической формы (правомерность). Отсюда очевидно, что их наличие исключает не только общественную опасность, но и противоправность деяния. Это объясняется тем, что преступление как единственное основа-

ние уголовной ответственности представляет собою деяние, социально-политическим содержанием которого является общественная опасность, а юридической формой — уголовная противоправность [7, с. 543; 3, с. 140]. Механизм «разрушения» такого единства состоит в том, что общественная полезность указанных оснований исключает общественную опасность соответствующего преступного посягательства, а правомерность — одновременно его противоправность и, следовательно, уголовную ответственность лица. Поэтому представляется необоснованным взгляд, что одни из рассматриваемых оснований исключают лишь общественную опасность преступного деяния, а другие — его противоправность [4, с. 52; 5, с. 462—463]. В основе данной позиции — недопустимый разрыв единства содержания и формы как преступления, так и общественно полезных и правомерных поступков, исключających саму преступность деяния.

Третий признак рассматриваемых оснований — их внешнее сходство с преступлением. «Вопрос о наличии обстоятельств, исключających общественную опасность, возникает в том случае, если в Особенной части УК содержится соответствующий уголовно-правовой запрет» [9, с. 64]. Речь идет о внешнем совпадении их объективных признаков, главным образом фактических признаков деяния и (или) последствия. Такой признак также нашел свое отражение в уголовном законе. В ст. 15, 16 УК УССР, определяющих необходимую оборону и крайнюю необходимость, прямо указывается, что такие действия «подпадают под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом». Так же характеризуется и задержание преступника в ст. 13¹ УК ЭССР.

Четвертый признак, определяющий взаимосвязь и соотношение рассматриваемых оснований, — их системность. Основания, исключające общественную опасность и противоправность деяния, находятся во взаимосвязи и взаимозависимости, образуя тем самым определенную целостность. Свое отражение они находят в нормах различных отраслей права — государственного, административного, трудового, гражданского, уголовного. Объединяет их одинаковое функциональное назначение: они играют одну и ту же роль в системе гарантий прав и законных интересов граждан, служат основаниями, исключającими их уголовную (а также иную юридическую) ответственность за правомерно причиненный вред. Иногда считают, что основания, предусмотренные в уголовном законе, не могут быть объединены в одну систему с теми, которые указаны в нормах других отраслей права, ввиду их различной юридической природы [4, с. 109]. Представляется, однако, что юридическая природа этих оснований едина: все они обладают рядом общих юридических черт, характеризующих их социально-политическое содержание и юридическую форму, а также структурные элементы рассматриваемых поступков (субъекты, объекты, субъективные и объективные признаки). Именно указанные обстоятельства, а также общность функционального назначения оснований, исклю-

чающих преступность деяния, их целостность позволяют объединять основания в одну систему.

Пятый признак, связанный с правовыми последствиями рассматриваемых оснований, сводится к тому, что они исключают не только уголовную, но и всякую иную юридическую ответственность лица. Очевидно, что общественно полезные и правомерные поступки не только не являются преступными, но одновременно не могут быть признаны и каким-либо другим правонарушением, совершение которого только и может выступать основанием юридической ответственности [6, с. 133, 148]. Рассматриваемый признак получил свое закрепление в ст. 15 Указа от 26 июля 1966 г., в которой предусмотрено, что правомерные действия граждан по пресечению преступных посягательств и задержанию преступника не влекут за собою не только уголовной, но и иной ответственности. Из данного правила иногда делают исключение, полагая, что действующее право предусматривает гражданско-правовую ответственность за имущественный ущерб, причиненный в состоянии крайней необходимости [4, с. 124—125]. Правильно, однако, считать, что здесь речь идет не о юридической ответственности, а о мерах защиты, известных гражданскому праву и отличающихся от юридической ответственности рядом существенных признаков [6, с. 149].

Шестой признак также характеризует правовые последствия оснований, исключаящих преступность деяния, и состоит в том, что совершение рассматриваемых общественно полезных и правомерных действий — всегда безусловно исключает уголовную и иную юридическую ответственность. Ни личность совершившего эти действия (например, причинение вреда особо опасным рецидивистом в пределах необходимой обороны), ни какие-либо иные объективные и субъективные обстоятельства дела при констатации того, что поступок лица соответствует признакам общественно полезного и правомерного поведения, не могут воспрепятствовать однозначности принимаемого соответствующим органом решения: лицо не может нести за совершенное ни уголовной, ни иной юридической ответственности.

Наконец, седьмым признаком рассматриваемых оснований следует считать требование, что исключение уголовной и иной юридической ответственности в указанных ситуациях может иметь место только по решению специальных органов государства. Применительно к необходимой обороне, крайней необходимости и задержанию преступника А. В. Наумов правильно отметил, что «без подтверждения компетентных органов нельзя решить вопрос о правомерности или незаконности указанных действий. Только суд, следователь, прокурор и орган дознания могут констатировать, что соответствующее лицо действовало в рамках закона» [8, с. 10].

Таким образом, анализируемые основания — это система предусмотренных различными отраслями права и внешне сходных с преступлением общественно полезных и правомерных поступков, исключаящих общественную опасность и противоправность деяния

и обязывающих соответствующие правоприменительные органы полностью и безусловно устранить уголовную и иную юридическую ответственность лица за содеянное.

Список литературы: 1. *Материалы XXVII съезда КПСС*. М., 1986. 2. *Ведомости Верховного Совета СССР*. 3. *Баулин Ю. В.* Основания, исключаяющие уголовную ответственность//Проблемы соц. законности. X., 1985. № 16. С. 139—142. 4. *Козак В. Н.* Вопросы теории и практики крайней необходимости. Саратов, 1981. 5. *Курс советского уголовного права. Общая часть*. Л., 1968. Т. 1. 6. *Малеин Н. С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. 7. *Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право*. М., 1973. 8. *Наумов А. В.* Реализация уголовного права. Волгоград, 1983. 9. *Современные тенденции развития социалистического уголовного права*. М., 1983.

Поступила в редколлегию 03.07.85.